

Евгений Мишаев

ОДИН ЗНАЧИМЫЙ ДЕНЬ

Этюд из детства

Английскому умнице Фрэнсису Бэкону принадлежит афоризм: «Книги – корабли мысли, странствующие по волнам времени и бережно несущие свой драгоценный груз от поколения к поколению». Красиво и верно. Но за каждой книгой стоит её автор, проживший наполненную событиями и устремлениями жизнь. Книга – лишь итог творчества, включающего в себя постижение мира, опыт, талант или просто способности и ещё много всякого, о чём потом будут спорить, чем будут восхищаться или что будут отвергать потомки. С чем сравнить то таинственное чудо, которое остаётся в нас после знакомства с классикой? Поскольку я рождён и живу на границе бора и степи, то мне будут ближе иные, нежели у Бэкона, образные сравнения. Например, в виде деревьев. Сильных, зелёных, тянущихся к небу. Разновозрастных, порой экзотических. Со временем их накопилось на большую рощу с просторными полянами, где всегда поют птицы. Есть там анчар Лермонтова, олива Гомера, ель Достоевского и, конечно же, карагач Абая. Что значит Абай для меня, русского человека, иртышанина? Никогда о том не задумывался. Ну а если попробовать – искренне, без ложного пафоса и помпезных декораций? Попытаюсь.

Про Абая я впервые услышал от мамы. В семье деда Ивана, её отца, было небольшое собрание книг, где нашлось место и роману «Абай» Мухтара Ауэзова. Я был дошкольником и по причине своих весьма утренних лет не мог воспринимать личность поэта и просветителя во всей его сложности. В моём детском представлении это – мудрый и добрый человек, ибо злых мудрецов просто не бывает. Он жил в красивой большой юрте, дружил с хорошими людьми и приезжал в Семипалатинск. А ещё мы с ним ходили по одним улицам. Только в разное время. Я слышал шум автомобильных моторов, он – скрип телег. Старинных зданий, соединяющих годы, в городе тогда ещё хватало. И это было немножко приятно. Ах, да, чуть не забыл про сказки. Нас с Абаем связывали и они. У меня имелась зачитанная книжка казахских народных сказок. Наверняка какие-то из них бабушка Зере рассказывала своему любимому внуку. Ещё одна маленькая точка соприкосновения – волшебная и живая! Росточек в моей, тогда ещё редкой литературской роще принялся – пустил корни и потянулся к солнышку.

В начальных классах учительницы Зекең Тележановна Махамбетова и Валентина Александровна Бурнашова рассказывали нам о жизни и творчестве Абая, читали его стихи. Помнится, на перемене я заявил однокласснику Куандыку Раеву: «Абай – это казахский Пушкин». – «Ага, – согласился Куандык. – А Пушкин – это русский Абай». И я кивнул в ответ. Для нас обоих это стало маленьким открытием. И мы были им вполне довольны в тот момент. Честное слово!

Школьная программа, газетные статьи, фотографии в журналах создавали вокруг нас некий обязательный информационный фон, помогая в какой-то мере постигать мир Абая, но не затрагивали во мне чего-то важного, почти не вызывали внутреннего отзвука. Только поездки с отцом по степным просторам, горячий полынный воздух летней Сарыарки, настоянный на ветрах, и пенье жаворонка-бозторгая рождали в воображении образы прошлого. А потом в семье появился телевизор. Чёрно-белый, по нынешним временам совершенно примитивный. Но круто изменивший нашу жизнь. Смотрели всё подряд – и на русском, и на казахском языках. И даже иногда – настроечную рамку, под которую телевизионщики часто пускали музыку. В гости по вечерам приходили соседки, не успевшие обзавестись голубыми экранами. А потом на лавочках живо обсуждали увиденное.

Однажды нам показали фильм «Песни Абая». Старый, его начали снимать на Алма-Атинской киностудии ещё в военные годы. Для нашей семьи он стал маленьким подарком. Может быть, немного более ценным, выделявшимся среди других. И это не громкие слова. Возможно, сейчас тот фильм покажется гурманам от синематографа чересчур прямолинейным и наивным, но его ясность и простота подкупали. Кино это создавали очень талантливые люди – от сценариста, коим являлся сам Мухтар Ауэзов, и режиссёра (Григорий Рошаль, совместно с Ефимом Ароном) до композитора (Латиф Хамиди). А каков подбор актёров! Каждое имя – гордость отечественного кино. И ведь именно Абай в исполнении Калибека Куанышпаева на долгие годы стал ассоциироваться у меня и тысяч моих сограждан с Абаем настоящим. А поэт Шарип, которого блестяще сыграл Шакен Айманов, злодей с очень непростыми взглядами на творчество, завистник, по-своему уважавший учителя, оказался таким анти-Абаем и тоже запомнился. В этом фильме не стреляли напрапалу, не ловили шпионов, не перевыполняли планы. Там жили – любили, страдали и выбирали свои пути-дороги. Умирал человек, и его было жалко.

Буквально через несколько дней произошло ещё одно событие, повлиявшее на моё отношение к Абаю. В разгаре были зимние каникулы. Я возвращался из Дома пионеров с новогоднего праздника. В кармане пальто негромко позвякивала мелочь, сэкономленная на школьных обедах и автобусных поездках. Я всё раздумывал – купить ли мне книжку, сходить в кино или же осчастливиться игрушечным пластмассовым танком за 20 копеек в магазине «Буратино»? Причём танк неотвратимо побеждал. И тут я поднял голову и остановился. Это произошло совершенно случайно. Но не зря же кем-то однажды сказано, что случай – это когда Господь хочет остаться анонимным.

Передо мной было белое старинное здание музея Абая. Нас, школьников, обещали туда сводить в недалёком будущем, но почему бы не сделать это самому, здесь и сейчас? Возможно, на меня повлиял и недавний фильм. Как бы там ни было, а я, ученик четвёртого класса, слегка робея от принятого решения, открыл высокую старинную дверь и шагнул вперёд.

Сделал ещё один шаг, стянул с головы шапку, пятернёй пригладил волосы. Меня внимательно разглядывали тётеньки. Их было трое или четверо, сейчас уж не упомню. Да это и не важно. Запомнились их глаза. Так могут смотреть только музейные сотрудники, и ещё, пожалуй, библиотекари – скромно, с достоинством и небольшой строгостью.

– Здравсьте, – тихо сказал я, засопев с мороза.

Тётеньки кивнули в ответ и переглянулись.

– Тебе чего, мальчик? – спросила одна из них, судя по еле заметной проседи – самая старшая. Они явно думали, что я заблудился, ошибся дверью. Уж очень непривычно выглядел визит неизвестного смешного мальчугана в эту уважаемую обитель культуры.

Но я уже освоился немного в новой для себя обстановке и уверенно, как у доски в классе, ответил:

– Вот. Пришёл в ваш музей.

Потом снял варежку, подышал на руку и выгреб из кармана несколько монеток, чтобы купить билетик.

Тётеньки ещё раз переглянулись, и я был допущен в экспозицию, пройдя сакральный обряд надевания белых хабэшных тапочек с завязочками на мои ботинки.

В тот момент в музее не было посетителей. Экскурсовода мне не полагалось. А полагалось самостоятельно ходить по залам и внимать. При этом не курить, не шуметь, не трогать ничего руками и вообще вести себя достойно. Одна из тётенок, видимо, смотрительница, отправилась было за мной, но вскоре вернулась к коллегам. Вероятно, мой облик вызывал у неё доверие.

В общем, я ходил и внимал. В самом приятном и замечательном смысле слова. Смотрел на рисунки и гравюры в простых рамках и на картины в багетах. Там были красавицы в нарядных саукеле, джигиты на скакунах, юрты среди изумрудных весенних трав жайляу, орлы, парящие над древними округлыми сопками, и много ещё чего интересного – знакомого и незнакомого. Я находился среди вещей и вещиц, называемых взрослым мудрёным словом «экспонаты». И они открывались мне, как открываются учёному тайны мироздания. Только мироздание переставало быть чем-то отстранённым, а становилось частью моей личной вселенной. Легко, естественно, без напряжения. Войлочные ковры текеметы с расплывчатым цветным орнаментом внушали спокойствие. А колыбелька бесік хранила в себе смех и плач многих младенцев, их сны и радости. Бабушкины сундуки с железными и медными пряжками являли собой символы незыблемости, выточенная из твёрдого дерева посуда, пить из которой кумыс особенно вкусно, обереги из перьев филина и домбра, скучающая по искусным пальцам акына. Судя по немного потёртому грифу, она знала их не понаслышке. Но главное – это фотографии! Проницательный Абай, его родичи и друзья. Наконец, просто жители степи – очень и очень разные, побогаче и победнее, молодые и старики. Типажи, как сказал бы краевед или этнограф. Я всматривался не столько в одежды, сколько в лица, пытаюсь угадать их мысли, деяния и надежды. Не знаю, насколько мне это удалось, но время замедлилось, сгустилось и вскоре остановилось окончательно, когда послышалось пение. То была «Көзімнің қарасы» – «Ты – зрачок глаз моих» на стихи Абая. Пели сотрудницы музея. Негромко, интимно даже, для себя. И немножко для меня.

Я был в дальнем зале, и пение казалось мне эхом, отголоском эпохи, которая уже прошла, но не исчезла. Экспозиция была выстроена так, что посетитель, обойдя всё, снова возвращался на то место, откуда начал свой путь. Но только уже наполненный новыми знаниями и впечатлениями. Изменённый к лучшему. Или так ничего и не понявший. Чем-то это походило на круг жизни.

Я шёл навстречу песне. Почти бесшумно. Почти плывя в голосах. Нежная светлая волна, ещё до конца не осознанная, поднималась во мне. Я не понимал многих слов, но ощущал их суть. И это было главным. Катарсис? Может быть. Но катарсис детский, рассветный. И необходимый. Песня закончилась. Осталась инерция от неё. Как для наблюдательного романтика остаётся что-то в синеве после полёта птицы. Хлопнули входные двери. Музей принял новых посетителей.

Дорога домой заняла немного времени. Снежок поскрипывал под ногами. Воздух уже не казался морозным. Поймал себя на мысли, что впечатления о ёлке в Доме пионеров, по-своему нарядной и весёлой, затушевались, отошли на второй план и как-то неожиданно и сразу почти позабылись, оставив в памяти лишь милую нотку блеска, не более. Впрочем, большего от них и не требовалось. Зато пришло понимание того, что соприкоснулся с чем-то важным и настоящим, и день был прожит не зря. Такие значимые дни есть у каждого, они запоминаются надолго, если не навсегда. Их никогда не бывает слишком много. И это правильно.

Семей

В апреле 2020 года отмечают:

80-летие

Егеухан МУХАМАДИКЫЗЫ, *поэт*

Зукай ШАРБАКЫНУЛЫ, *поэт*

70-летие

Казыбек МЫНЖАН, *поэт*

60-летие

Ергожа ТЛЕПБЕРДИЕВ, *поэт*

50-летие

Елена АБДИХАЛЬКОВА, *поэт*

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

